

УЧАСТИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И ФОРМИРОВАНИИ ОППОЗИЦИИ (ПРИМЕР ПОЛЬШИ И РОССИИ)

Р. В. Савенков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 мая 2017 г.

Аннотация: *отличающиеся традиции в отношениях между государством и Церковью, а также разные источники ресурсов формируют различные позиции церквей к оппозиции. Русская православная церковь не стала пространством появления и развития оппозиционных идей и организаций. Польская католическая церковь не стремится официально поддерживать какие-либо политические силы, пытаясь сохранить образ морального арбитра, интегрирующего нацию.*

Ключевые слова: *оппозиция, Русская православная церковь, Польская католическая церковь.*

Abstract: *there are different traditions in the relationship between the authority and the Church, as well as various sources of resources, form different relation of the Churches to the opposition. The Russian Orthodox Church did not become a space for the emergence and development of opposition ideas and organizations. The Polish Catholic Church does not seek to officially support any political actors, trying to preserve the image of a moral arbiter, which integrating the nation.*

Key words: *opposition, Russian Orthodox Church, Polish Catholic Church.*

Влияние религиозной принадлежности на способность общества к модернизации социально-политических и экономических институтов и практик остается объектом пристального внимания социологов и политологов. Ключевую роль Римско-католической церкви (далее – РКЦ) в процессах демократизации 1970–1980-х гг., которая в этот период почти неизменно противостояла авторитарным режимам, отмечал С. Хантингтон: «Это превращение католической церкви из оплота status quo, как правило, авторитарного, в силу, служащую переменам, как правило, демократическим, представляет собой величайший политический феномен» [1]. Позитивную роль РКЦ в демократических преобразованиях в Польше, Чили, Бразилии позднее подтвердили А. Степан и Х. Линц [2]. В другой своей известной работе С. Хантингтон считает ислам организующей силой противодействия авторитарным режимам в мусульманском мире. В 1980–1990-х гг. исламские движения преобладали в среде оппозиционных движений в мусульманских странах и часто монополизировали их [3, с. 169–170].

Православие является наиболее многочисленной религиозной конфессией в России, а Русская православная церковь (далее – РПЦ) – самой влиятельной общественной организацией. Распространено мнение о том, что православие в целом значительно тормозит модернизационные процессы в обществе, в отличие

от протестантизма [4, с. 68]. Более того, РПЦ демонстративно сближается с государственной властью, становясь важным легитимирующим инструментом правящего режима [5; 6]. Нехарактерное для западного мира переплетение интересов государства и церкви отмечал еще Н. М. Карамзин [7], считая это не только исторически оправданным, но и, говоря языком А. Тойнби, цивилизационной особенностью России. С. Хантингтон отмечал, что «православная церковь всегда находилась под сильным государственным контролем» [3, с. 212].

В то же время и Римско-католическая церковь относительно недавно стала духовным защитником универсальных человеческих ценностей в политических процессах. На глобальном уровне перемены инициировал папа Иоанн XXIII, специально созванный в 1963–1965 гг. II Ватиканский собор. Иерархи РКЦ объявили законность и необходимость социального изменения, важность коллегиальных действий епископов, священников и мирян, обязанность помогать бедным, преходящий характер социальных и политических структур, права личности. РКЦ заняла четкую позицию по проблемам, волнующим современное общество [8].

В данной статье на примере современных Польши и России мы попытаемся раскрыть роль Церкви в формировании и функционировании одного из институтов демократического режима – политической оппозиции.

Церковь в политических процессах современной Польши

Польша относится к числу стран с самой высокой религиозностью населения, а по удельному весу верующих она традиционно занимает первое место в Европе [9, с. 68]. Религиозность рассматривается поляками как неотъемлемая черта польской идентичности [10, с. 172–174]. Может быть, поэтому в период социалистической Польши, когда традиционной польской идентичности угрожала официальная пропаганда, уровень религиозности был выше, чем в период современной демократической Польши. В 1991 г. верующими католиками называли себя 93,9 % поляков, еще 3,2 % были иных вероисповеданий и только 2,9 % не относили себя ни к какой конфессии. Но к 2011 г. число католиков уменьшилось до 89,6 %, а число атеистов возросло до 8 % [11].

Действительно, католицизм, Польская католическая церковь (далее – ПКЦ) всегда играли в общественной и политической жизни Польши важную роль. Польская церковь поддерживала идеи национальной независимости как в XIX в., так и во второй половине XX в. Хотя церковные иерархи являлись носителями антикоммунистических ценностей, костел в социалистической Польше поначалу избегал прямого конфликта с властями. Церковь усиливала свое влияния в гражданских сферах жизни общества [12, с. 68–69], часто исполняла либо роль посредника, либо роль только духовной опоры оппозиции. Для обычных граждан костел стал территорией свободы [9, с. 69].

Избрание главой Римско-католической церкви Иоанна Павла II (до избрания – архиепископ в г. Краков) в 1978 г. многократно усилило стремление к духовному раскрепощению поляков. После вступления на папский престол Иоанна Павла II Римско-католическая церковь перешла к активным формам противостояния авторитарным режимам по всему миру. В марте 1979 г. в своей первой энциклике Иоанн Павел II осудил нарушения прав человека и прямо назвал церковь «стражем» свободы, «каковая есть условие и основа истинного достоинства человеческой личности» [1, с. 95]. Другими словами, Ватикан создавал условия для поддержки священнослужителями оппозиционных организаций и моральной поддержки сопротивлению авторитаризму.

Польские католические иерархи осуждали насильственную делегализацию «Солидарности» в 1981 г., но при этом старалась не допустить столкновений противостоящих групп. После введения военного положения в декабре 1981 г. костел помог организовать «Солидарности» целую сеть общественного сопротивления режиму, оказывая организационную и финансовую помощь. Костел демонстрировал готовность выступить посредником на переговорах

между правительством и оппозицией. По этой причине в сотрудничестве с Церковью были заинтересованы как оппозиция, так и государство. Как указывает Л. Люкс, «церковь после 1945 г. играла двойственную роль, будучи, с одной стороны, защитником, с другой – усмирителем для критически настроенных к режиму сил. Она заботилась как о том, чтобы огонь сопротивления в стране никогда не погас, так и о том, чтобы он не превратился в опасное пламя» [13, с. 147].

С ослаблением правящего социалистического режима во второй половине 1980-х гг. ПКЦ начала открыто поддерживать движение «Солидарность» и его лидера Л. Валенсу. Через своих представителей костел сыграл важную роль в подготовке работы круглого стола, начавшей процесс демократических реформ.

В результате активной политической деятельности в борьбе с «коммунистической системой» ПКЦ в 1991 г. воспринималась поляками как наиболее влиятельный политический актор в стране, опередив по уровню доверия как «Солидарность», так и старую социалистическую элиту. Высокий авторитет костела не позволил им остаться в стороне от проблем, волновавших их прихожан, и побудил духовенство активно включиться в политические дискуссии и процессы.

ПКЦ добилась принятия закона в 1989 г., согласно которому церкви гарантировались возврат имущества, отнятого при социализме, ряд других льгот: право торговать землей и недвижимостью, признавались налоговые льготы, гарантировалось социальное обеспечение, возможность создания собственных радиостанций и телеканалов [10, с. 186]. В мае 1990 г. Конференция польских епископов выступила с инициативой возвращения преподавания религии в общеобразовательных школах, а уже в сентябре того же года 95,8 % учащихся заявили о желании изучать религию. Конституционный трибунал Польши подтвердил законность действий Министерства образования по введению уроков религии [14, с. 169–170].

Переходный к демократии период принес католической церкви сколь богатый, столь и противоречивый политический опыт. Она сразу энергично включилась в перестройку политической системы страны и очень скоро оказалась перед выбором: поддержать одну из сторон или остаться над схваткой, выступая в роли арбитра, не рискуя своим авторитетом. В обстановке глубокого кризиса общественного сознания проявились новые идеологические и политические амбиции части духовенства. ПКЦ предстала в глазах поляков чрезвычайно мощной структурой, со слишком большим влиянием. По наблюдению О. Сиденко, Польская католическая церковь сыграла явно деструктивную роль в процессе разработки и принятия новой Конституции Польши

1997 г., агитируя против проекта и затрудняя работу Конституционной комиссии в 1995 г. [15, с. 71–72].

Это поставило отношения церкви и государства в новые, неожиданные для всего общества непримлемые рамки. Критиковались, прежде всего, своего рода «реваншизм», политическая ангажированность духовенства, лоббирование им определенных политических сил. Наиболее последовательными в критике политических амбиций церкви, в проведении принципа отделения церкви от государства были социал-демократы.

Итак, с разрушением социалистической системы в Польше костел не снизил своей политической активности. Хотя в Польше не возникло значимой христианско-демократической партии [10, с. 27], Польские церковные иерархи активно вмешиваются в электоральные процессы. Многие из них в своих проповедях прямо или косвенно агитировали прихожан голосовать за конкретных кандидатов на президентских или конкретных партии на парламентских выборах, выступая, как правило, против левых кандидатов.

Более того, Церковь в Польше активно борется за запрет абортов и изучение религии в школах. Проблема абортов расколола не только духовенство, но и польское общество. При этом сторонники легализации абортов опасаются публично выражать свое мнение, так как священники во время проповеди называют их имена и подвергают суровому осуждению. Преподавание религии в школах не привело к безусловному повышению уровня религиозности среди молодежи. Другими словами, вовлечение духовного института в политическую жизнь не всегда приводит к решению духовных проблем. Более того, социологи фиксируют снижение уровня религиозности в молодежной среде во всех европейских государствах. «Молодежь, как и большинство польского общества, готова принять в религии то, что соответствует их представлениям о жизни, что не мешает их привычному бытию, основанному скорее на конформизме, чем на религиозном рвении» [там же, с. 175].

В настоящее время клир присутствует на политической арене в неявной форме, как правило, демонстрируя отказ от откровенного политиканства и «беспристрастие». Его линия по форме аполитична, хотя на деле она приносит в политику моральные требования борьбы за справедливость, за соблюдение христианской этики. Духовенство активизируется в период избирательных кампаний, привлекая к ним верующих. Не заявляя открыто о поддержке тех или иных кандидатов в президенты или депутаты, представители духовенства достаточно понятно формулируют свои мировоззренческие и политические предпочтения [9, с. 73].

В современных условиях Польская католическая церковь, обретя признаки политического субъекта,

отчасти утратила образ арбитра политических баталий. В декабре 2016 г. в период обострения конфликта между парламентской оппозицией и правящей фракцией «Право и справедливость» авторитетные церковные иерархи заявили о сохранении ПКЦ дистанции и содействия диалогу между конфликтующими сторонами. Например, кардинал Казимер Ныч призывал препятствовать разрушению национального единства эгоистическими и партийными интересами [16].

Итак, Церковь и государство в Европе всегда находились в конкурентных, даже конфликтных, отношениях. В результате революционных потрясений в Европе в Новое время Церковь потеряла все юридические права в отношении мирян, что вынудило ее трансформироваться в общественный институт, который стремился к сохранению влияния на политиков [17, с. 149, 163]. В обстановке подавления всех форм политической оппозиции Польская католическая церковь оставалась единственным относительно автономным общественным институтом. Это позволило ПКЦ сыграть важную роль в борьбе с социалистической системой и подтолкнуть к договорному варианту перехода к демократическому режиму [13, с. 147]. В период консолидации демократии (1990-е гг.) церковные иерархи позволяли себе вмешиваться в электоральные и политические процессы Польши, навязывая свои политические симпатии прихожанам.

С ослаблением левых политических сил иерархи РКЦ подчеркивают главную цель церкви – укрепление духовных оснований современного общества, распространение справедливости, но не политическое вмешательство [18, с. 65]. В этом состояла уникальность позиции Церкви – находиться над политической схваткой, подталкивать конфликтующие стороны к компромиссу и выступать монопольным защитником вечных и универсальных ценностей.

Церковь в политических процессах современной России

Русская православная церковь является наиболее многочисленной религиозной конфессией в России, а также рассматривается в качестве культуuroобразующего фактора российской цивилизации. Исторически сложившийся особый статус РПЦ позволяет определять ее как наиболее значимого негосударственного субъекта публичной сферы [19, с. 97], который занимает устойчиво высокие позиции по уровню доверия населения [20].

По данным социологических исследований Левада-Центра в феврале 2016 г. треть россиян отмечают важную роль религии в их жизни (очень важную – 6 %, довольно важную – 28 %). Еще меньше респондентов считают, что церковь должна оказывать влияние на принятие государственных реше-

ний: определенно да – 6 %, скорее да – 18 % [21]. При этом православными себя считали в 2013 г. 68 % (в 2002 г. – 56 %). Несмотря на рост числа респондентов, которые причисляют себя к какой-либо религии, доля активно верующих остается незначительной. Раз в месяц и чаще посещают церковные службы лишь 14 % респондентов. За последние годы религиозный энтузиазм даже поутих, поскольку в 2007 г. таких было 20 %. Большинство верующих предпочитает заходить в церковь один (16 %) или несколько раз в год (17 %). 13 % прихожан бывают на службах раз в несколько лет. Никогда не посещают церковь 35 % россиян [22]. Как заметил директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) В. Федоров, «возвращение посткоммунистической России к православию носит сугубо поверхностный, ритуальный характер, реального воцерковления нации не произошло» [23].

С началом трансформации советской политико-экономической системы РПЦ заняла позицию духовного авторитета, стоящего над политическими схватками. В 1995 г. Патриарх Алексей II заявил, что участие религиозных организаций в выборах «превратит религиозный фактор в жизни страны, до сих пор бывший фактором мира и стабильности даже в условиях кровопролитных конфликтов, в новый фактор противостояния» [19, с. 99]. Эти принципы взаимоотношений Церкви с политическими организациями были приняты Архиерейским собором, состоявшимся в 1997 г., на котором приветствовался диалог и контакты Церкви с политическими организациями только в том случае, если подобные контакты не носят характера политической поддержки.

Названный Архиерейский собор определил пространство сотрудничества Церкви и партий как допустимое «в целях, полезных для Церкви и народа, при исключении интерпретации подобного сотрудничества как политической поддержки». Все формы политической ангажированности Церкви принципиально отвергаются РПЦ [24]. В то же время, дистанцируясь от влияния на политическую жизнь, Церковь стала налаживать взаимодействие с властью кулуарно, ориентируясь на государственный, политический и экономический истеблишмент [25, с. 48].

В 2000-е гг. отношения с государством РПЦ выстраивает в соответствии с Основами социальной концепции Русской православной церкви [26] – официального документа, утвержденного на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г., в котором представлено понимание современной ситуации, выраженное с сознательно консервативных, традиционалистских позиций. Основы социальной концепции излагают базовые положения учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем.

Официально РПЦ не отдает предпочтения той или иной политической организации или политическому лидеру, а проповедует мир и сотрудничество людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она также допускает наличие различных политических убеждений среди ее епископата, клира и мирян. Однако участие священнослужителей в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, включая выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов представительной власти всех уровней, не допускается. В то же время ничто не должно препятствовать участию иерархов, священнослужителей и мирян наравне с другими гражданами в народных волеизъявлениях путем голосования.

В целом, Церковь сохраняет лояльность государству, акцентируя внимание на воспитании нравственности и формировании в обществе моральных ценностей, присущих Православию. Опираясь в ряде вопросов на государство, РПЦ следует принципу, не позволяющему государственным структурам проникать в церковные дела, одновременно оставаясь важнейшим субъектом публичной сферы [19, с. 108].

Расширение участия РПЦ в политическом процессе наблюдатели фиксируют с 2004 г., когда будущий патриарх Кирилл, тогда митрополит, представил на Всемирном русском соборе доктрину «православной цивилизации». В основе идеи Кирилла лежит мысль С. Хантингтона из его работы «Столкновение цивилизаций» о существовании сталкивающихся различных цивилизационных миров. Православная цивилизация была представлена им как особое геополитическое образование. Выступление Кирилла подстегнуло ряд церковных иерархов к выстраиванию доктрины политического православия. В 2006 г. В. Чаплин сформулировал «Пять принципов политического православия», для которого была характерна имперская идея. Верующие тяжело переживали разрушение СССР – в их сознании советское пространство было сакральной русской землей. В дальнейшем эта идея не получила продолжения в официальном дискурсе главы РПЦ.

С началом деятельности патриарха Кирилла (2008 г.) началась реформа Церкви как института с целью увеличения информационной открытости и углубления взаимодействия с государством с целью модернизации [4, с. 68]. Церковные иерархи подчеркивают свои прочные личные связи с первыми лицами государства. Это помогает РПЦ решать многие проблемы религиозной жизни общин. Кроме того, РПЦ имеет обширную сеть структур (приходы, академии, семинарии, школы, приюты), поддержание и развитие которой требует постоянного взаимодействия с властью [24]. Официально Церковь исходит из необходимости гарантировать свободу совести и

убежденных граждан. Демократический идеал светскости заключается в отказе политиков выносить суждения по религиозным вопросам. РПЦ отрицательно относится к процессу превращения религии из «общего дела» в «частное дело». РПЦ возвращается к политике опосредованно, увязывая политические изменения с духовным возрождением общества. Такое положение РПЦ привело к тому, что священнослужители представляют интересы не сколько прихожан, сколько правящего класса [27, с. 89].

В заключение отметим, что католицизм в Польше и православие в России нельзя рассматривать только как религиозные явления: традиционная религия является частью национальной идентичности как поляков, так и русских. Польская католическая церковь и Русская православная церковь являются влиятельными участниками общественно-политической жизни своих стран. Общими чертами церковных институтов в современных Польше и России являются сохраняющийся высокий авторитет среди граждан (относительно других общественных институтов) и значительный организационный потенциал. В то же время влиятельность Церкви в России определяется строгой внутренней дисциплиной и тесными связями церковных иерархов с представителями государственной системы, значительными лоббистскими возможностями РПЦ. По этой причине Русская православная церковь не может стать пространством появления и развития оппозиционных идей и организаций. В сравнении с РПЦ Польская католическая церковь не является столь же дисциплинированной и единой: церковные иерархи позволяют себе высказывать разные мнения и поддерживать разные политические силы. В то же время ПКЦ с развалом социалистической системы утратила ореол единственного свободного общественного института. Активное участие ПКЦ в политической жизни скорее снижает доверие к ней. Видимо, поэтому представители Церкви все чаще заявляют о необходимости дистанцирования от субъектов политической борьбы. Как заметили А. Степан и Х. Линц, для того, чтобы демократия и религия развивались, необходимо разделение между религией и государством, порождающее «двойную терпимость» – взаимное невмешательство религиозных центров влияния и государственных служащих [2, р. 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
2. Stepan A. Democratization Theory and the «Arab Spring» / A. Stepan, J. J. Linz // Journal of Democracy. – April 2013. – V. 24, № 2.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2014.
4. Чимириш Е. С. Церковь и модернизация в России : в поиске новых ценностных основ / Е. С. Чимириш, С. П. Донцев // Политические исследования. – 2010. – № 6.
5. Ахиезер А. История России : конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Новое издательство, 2013.
6. Chawryło K. Sojusz Ołtarza z Tronem. Rosyjski Kościół Prawosławny a władza w Rosji / K. Chawryło // Prace Ośrodek Studiów Wschodnich. – № 54. – grudzień 2015.
7. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении / Н. М. Карамзин. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
8. Красиков А. А. Ватикан 2000 лет спустя. Римокатоличество между прошлым и будущим / А. А. Красиков. – М. : Ин-т Европы РАН : Рус. Сувенир, 2012.
9. Яжборовская И. С. Церковь и государство в послевоенной Польше / И. С. Яжборовская // Полития. – 2002. – № 4.
10. Лыкошина Л. С. «Польско-польская война». Политическая жизнь современной Польши : монография / Л. С. Лыкошина. – М. : ИНИОН РАН, 2015.
11. Kościół w Polsce / Instytut Statystyki Kościoła Katolickiego SAC. – Mode of access: <http://www.iskk.pl/kosciolnaswiecie.html>
12. Аляев А. В. Политические процессы в Польше в переходный период : опыт трансформации внутренней и внешней политики в 1989–1998 гг. / А. В. Аляев. – М., 2003.
13. Любин В. Костел и коммунистическое правление в послевоенной Польше / В. Любин // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 7.
14. Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2012 / A. Dudek. – Kraków : Wydawnictwo Znak, 2013.
15. Сиденко О. А. Конституционный процесс в условиях демократической трансформации в Польше : конец 1980-х – начало 2000-х гг. : дис. ... канд. полит. наук / О. А. Сиденко. – Воронеж, 2005.
16. Tomasz Krzyżak : Nie czas na głos Kościoła ws. sporu w Polsce // Rzeczpospolita. – Mode of access : <http://www.rp.pl/Analizy/161219041-Tomasz-Krzyzak-Nie-czas-na-glos-Kosciola-ws-sporu-w-Polsce.html#ap-1>
17. Салмин А. М. Церковь, государство и политика в католическом мире / А. М. Салмин // Политические исследования. – 2005. – № 6.
18. Кальвез Ж.-И. Глобализация и Церковь / Ж.-И. Кальвез // Политические исследования. – 2008. – № 2.
19. Баранов Н. А. Церковь и государство : формы взаимодействия / Н. А. Баранов // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та. – 2009. – № 4.
20. Деятельность общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения

(ВЦИОМ). – Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/

21. Церковь и государство. Пресс-выпуск Левада-Центра от 19.02.2016 г. // Левада-Центр. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2/>

22. Россияне считают себя верующими, но в церковь не ходят. Пресс-выпуск Левада-Центра от 24.12.2013 г. // Левада-Центр. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2013/12/24/rossiyane-schitayut-sebya-veruyushhimi-no-v-tserkov-ne-hodyat/>

23. Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени / В. Федоров // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=114379>

*Воронежский государственный университет
Савенков Р. В., кандидат политических наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: rvsaven@gmail.com
Тел.: 8 (473) 221-27-43*

24. Рябых Ю. А. Политические партии России и Русская православная церковь / Ю. А. Рябых // Политика. – 2004. – № 1.

25. Кнорре Б. К. Российское православие. Постсекулярная институализация в пространстве власти, политики и права / Б. К. Кнорре // Монтаж и демонтаж секулярного мира. – М. : Политическая энциклопедия, 2014.

26. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Официальный сайт Московского патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>

27. Зоркая Н. А. Православие в постсоветском обществе / Н. А. Зоркая // Общественные науки и современность. – 2013. – № 1.

*Voronezh State University
Savenkov R. V., Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Sociology and Political Science
Department
E-mail: rvsaven@gmail.com
Tel.: 8 (473) 221-27-43*